

К 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

25 АВГУСТА 113-я стрелковая бригада и части 56-го стрелкового корпуса выполнили поставленную перед ними боевую задачу: Южный Сахалин был полностью освобожден от японских захватчиков. Два дня — 26 и 27 августа — части и подразделения бригады отдыхали, отправляли военнопленных в Находку, собирали трофеи, хоронили убитых. На рассвете 29 августа наш десант вышел в открытый океан и взял курс на Южные Курилы.

Вечером 31 августа все три десантные группы одновременно подошли к островам. К 20 часам был занят Шикотан, Сибочу, Сима, к 24 часам — Тараку-Сима. Основные силы бригады переждали ночь у рыбакского поселка Фурукамаппу (ныне Южнокурильск), а на следующий день (1 сентября) высадились на остров Кунашир. Первой достигла берега рота автоматного батальона. На берегу ждал с белым флагом командир японского батальона: расположившийся на острове гарнизон японской армии капитулировал без боя. Так же, без кровопролития, были заняты Шикотан и соседствующие с ним острова, хотя там стояла в обороне полная пехотная дивизия японских войск.

Основные силы бригады высадились на берег в тот же день, вслед за автоматчиками. Разгрузка продолжалась несколько суток: порт Фурукамаппу мелководный, и его причалы не приспособлены для швартовки океанских судов, поэтому они стояли на якорях в двух-трех километрах от берега. Пушки, минометы, автомашины, лошади, повозки, ящики с боеприпасами и все прочие грузы приходилось перегружать из трюмов на трофейные японские катера и баржи, доставлять до берега и вручную выгружать на пирс.

Бригада разместилась на островах Кунашир и Шикотан в шести точках. Для размещения частей и подразделений частично были приспособлены японские здания. Но большинство укреплений пришлось строить своими силами из подручных материалов: пили бревна на брус и доски, строгали дранку для кровли на примитивных ручных станках, из проволоки и стальных тросов рубили гвозди. Дефицитом считались кирпич, цемент и строительные инструменты. Среди солдат нашлись свои мастера: инженеры-строители, столяры, плотники и многие другие специалисты мирных профессий, проявившие немало изобретательности, сноровки и инициативы. Общими усилиями офицеров, сержантов и рядовых бойцов строительство было успешно завершено.

Кроме зданий, приходилось строить и дороги. Особенно трудно давались дороги-лужневки через непроходимое болото на Кунашире из Южно-Курильска на западный берег острова, в поселок Лагунное. Воины бригады работали вместе с японскими военнопленными: носили землю, валили лес, обрабатывали дресину, на плечах доставляли жерди и бревна к дороге и мастерили из них поперечный настил. Потом ездили в повозках по этой дороге, таращая и подпрыгивая, как по гигантской стиральной доске.

К слову сказать, батальон японских военноплен-

НАША 113-я отдельная стрелковая бригада на рассвете 20 августа 1945 года высаживалась морским десантом в сахалинском порту Маока (ныне Холмск). Японские войска ожесточенно оборонялись, но к концу дня отошли за город и закрепились на пригородных высотах.

На второй день бригада пошла в наступление по двум направлениям. На главном направлении в центре острова, по единственной горной дороге на восток наступали Первый стрелковый батальон и батальон автомобилистов, при поддержке противотанкового и минометного дивизионов. А вдоль железной дороги, на юг продолжали наступление Четвертый стрелковый батальон и батальон морской пехоты. Третий батальон оставался в резерве, а Второй был задействован в другом районе.

Японцы яростно сопротивлялись, переходили в контратаку, но сдавали позиции одну за другой и смогли закрепиться только на Камышовом перевале. Все три минометные батареи нашего дивизиона вели интенсивный огонь по противнику. Наша позиция располагалась на обочине каменистой дороги, скрытая обрывистой высотой с фронта, а сперва и с тыла ограничена глубокой лощиной. Открытым оставался правый фланг с лесистой высо-

КУНАШИР СТАЛ РУССКИМ

ных содержался на Кунашире в отдельном лагере. Давали им тот же армейский паек, что и воинам нашей бригады (за исключением «наркомовских» ста граммов водки). Пленные носили свою форму со знаками различия, распределялись на взводы и роты со своими командирами во главе, ходили строем, строго соблюдали дисциплину и порядок согласно уставам японской армии (если, конечно, это не причиняло вреда советской стороне). Помимо, на строительстве дороги-лужневки, в один из сырых прохладных дней группа наших офицеров собралась у костра на перекур. С нами сидел и японский майор, командовавший военнопленными. На вид ему было лет пятьдесят, говорил он по-русски довольно спокойно. Он тоже курил и грелся, изредка переговаривался с нами. Я спросил его:

— Господин майор! Вот мы сейчас сидим и мирно беседуем у костра вместе: советские и японские офицеры — победители и побежденные. Мы относимся к вам без презрения, без зла, без ненависти. А если бы все это было наоборот — вы были бы победителями, а мы побежденными — сидели бы вы тогда с нами за одним костром?

— Нет, — ответил майор, — японские офицеры считали бы это унижением для себя. Они не так воспитаны, как русские.

БОЙ ЗА КАМЫШОВЫЙ ПЕРЕВАЛ

той на расстоянии полукилометра за лощиной. Но там было тихо. Часам к двенадцати огонь прекратился. Командир батареи капитан Якименко отдал приказ по телефону: «Протереть стволы минометов от нагара, почистить карабины, накормить личный состав обедом и быть готовыми к продолжению огня или к движению вперед на новую огневую позицию». Работа закипела. Немного погодя ко мне подошел рядовой Сорокин и попросил разрешения осмотреть местность. Я снял с шеи бинокль, отдал ему, а сам, как командир взвода, продолжал следить за работой расчетов. Через некоторое время Сорокин подошел ко мне взвешенный: «Товарищ лейтенант, посмотрите на эту высоту: там кто-то есть!» Я схватил бинокль. Действительно, на ближней высоте, справа от нас, в прогалинах между деревьями и кустарниками сутились люди в японской форме, были видны лошади с вьюками на спине. Все ясно: японская горно-выючная батарея занимает огневую позицию и через три-пять минут откроет огонь не только по нашей батарее, но и по тылам и резервам бригады, расположенным на этой дороге, ничем не прикрытой от той высоты. Лихорадочно сообщаю, что делать. По уставу я обязан доложить обстановку командиру бата-

реи и ждать от него указаний. А командир батареи свяжется с командиром дивизиона. За это время японцы успеют открыть артиллерийский огонь и уничтожат всю батарею. А если мы опередим японцев и первыми откроем огонь — батарея наша будет спасена. Но меня могут обвинить в самоуправстве. В первом варианте погибнет много наших людей и техники, во втором — пострадаю я один...

«Батарея, к боя! Противник на высоте справа готовится открыть огонь из пушек по нашей огневой позиции. Всем расчетам развернуть минометы в направлении высоты, готовность доложить!».

Бойцы «облепили» свои минометы, работают. Их не нужно торопить — каждый и так знает, что от быстроты исполнения приказа зависит их жизнь. А у меня в горле пересохло от волнения: успеем или не успеем? Командир второго взвода лейтенант Смирнов торопит свои расчеты, мой полковзвод, старший сержант Нечеухин, торопит свои. Слышу доклады командиров расчетов: «Первый готов», «Третий готов», «Второй готов», «Четвертый готов». Командую: «По батарее противника, угломер тридцать — пять, точка наводки — рыхлое дерево на высоте, прицел 4-17, заряд первый, осколочный, первому одна мина, огонь!».

Сам начинаю пристрелку дальности, ибо видимое расстояние в горах обманчиво. Назначил прицел 4-17, что соответствует минимальной дальности миномета, равной 400 метров. Меньшего прицела в таблице стрельбы наших минометов нет, и стрелять ближе четырехсот метров нельзя: ствол опрокинется назад. Первый миномет (пристречный) выстрелил, мина улетела и разорвалась за гребнем высоты — перелет. Надо уменьшить дальность. Но как? Командую: «Прицел 4-00, держать руками стволы от опрокидывания, огонь!».

Первый миномет выстрелил, ствол не опрокинулся. Мина разорвалась там, где надо: русская смекалка помогла. «Батарея, шесть мин, беглый огонь!». Мигом утесли двадцать четыре смертоносные шестнадцатикилограммовые мины, накрыв большую площадь японской высоты, поднимая выше деревьев столбы огня и дыма. В бинокль не удалось увидеть результатов обстрела, но я был уверен, что там мало что уцелело, и скомандовал: «Батарея, стой!».

Остановив стрельбу, я побежал к телефону, чтобы теперь доложить о случившемся комбату, но он уже был на связи: «Что случилось? Что там у вас за стрельба?». Я коротко доложил обстановку. Вскоре командир батареи сам пришел

Что же мы, советские воины, испытывали к японцам? Немецко-фашистских захватчиков мы люто ненавидели за их зверства, издевательства и массовое истребление народов. Но мы не успели возненавидеть японских солдат и воевали с ними, скорее, с предупредительной целью, чтобы в дальнейшем не было угроз с их стороны. В бою получалось, как при охоте на опасного зверя: если ты не успеешь убить его первым, то он убьет тебя. И доминирует здесь не ненависть, а страх, чувство самосохранения. Это простейшая логика любых войн — от древнеримских до современных. Тем более, мы не испытывали злости и ненависти к японским мирным жителям. Скорее всего, мы испытывали любопытство к невиданным ранее облику, разговорной речи, одежде японцев и обычаям, на которые мы насмотрелись за два года.

На Кунашире жило немногочисленное население — бедное и трудолюбивое, занимавшееся, в основном, ловлей и переработкой рыбы и других даров моря. Мы называли этих людей японцами, а позже узнали, что это были айны, а японцев среди них было мало. После перехода Курильских островов (в 1875 году) и Южного Сахалина (в 1905 году) во владение Японии, айны нещадно эксплуатировались, и к 1945 году мало кто помнил, что когда-то они были русскими подданными. Все население острова быстро перестало бояться русских, освоилось с нашими порядками и одобряло советскую власть. Местные жители занимались той же работой, что и раньше, получая зарплату и отовариваясь в магазинах наравне с советскими людьми. Многие островитяне говорили, что с приходом советской власти им стало лучше жить, чем было при власти японской. Но все же они были иностранцами, и по решению советского правительства, все японское население летом 1947 года было вывезено с Курильских островов в Японию, на остров Хоккайдо.

К тому времени на Курилы прибыло много переселенцев и сезонных рабочих из разных регионов Советского Союза. Рыбное хозяйство Кунашира и Шикотана стало наращивать свое производство. Из состава нашей бригады на острове комплектовался первый аппарат Южно-Курильского горисполкома и всех служб гражданской власти. Первым председателем райисполкома стал командир батареи артдивизиона капитан Бабухади.

До приезда на Кунашир наших ветеранов в сентябре 1985 года там никто не знал: кто же конкретно, какие войска освобождали этот остров? В центре Южно-Курильска стоит красивый памятник-obelisk с надписью: «В этом районе в сентябре 1945 года высажился десант советских войск. Была восстановлена историческая справедливость: исконно русские земли — Курильские острова — освобождены от японских милитаристов и навечно воссоединены с матерью-Родиной — Россией». Этот памятник поставлен нам, бывшим воинам 113-й стрелковой бригады.

Чившемся командиру батареи. Но в это время на нашу огневую позицию пришел, изрядно под хмельком, заместитель командира дивизиона по политчасти капитан Маринин. Он не стал с нами долго разговаривать, взял трубку у телефониста и доложил командиру дивизиона: «На огневой позиции второй батареи безобразие: минометы стоят на дороге, не в окопах, три человека убиты огнем японских «кукушек» с тыла. Я принял решение расстрелять командира взвода. Подскажите — кого: Долуду или Смирнова?». А мы с Федей Смирновым стоим тут же, рядом с Марининым, и слушаем его «мудрое» решение. Слышал эти слова и наш телефонист. Не знаю, что Маринину ответил командир дивизиона, но замполит бросил трубку, сверкнул на нас затуманенным взглядом и молча ушел...

Вскоре мы сменили эту огневую позицию, выдвинулись вперед и вели огонь по перевалу. К вечеру пехота завладела Камышовым перевалом, а на следующий день — 23 августа — наша стрелковая бригада пошла дальше. И никто из командования никогда не вспоминал ни о стрельбе наших бойцов по японской батарее, ни об угрозе замполита. На войне бывает всяко...

**Александр ДОЛУДА,
ветеран ВОВ,
подполковник
в отставке.**